

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Бердянський державний педагогічний університет
Факультет філології та соціальних комунікацій

**ТРОЯНДИ Й ВИНОГРАД: ФЕНОМЕНИ ЕСТЕТИЧНОГО І
ПРАГМАТИЧНОГО В ЛІТЕРАТУРІ ТА КУЛЬТУРІ**

Збірник матеріалів конференції

**Бердянськ
2018**

УДК 378.016:[8+130.2+072](082)

Т 76

Редакційна колегія:

Головний редактор – **Новик О.П.**, доктор філологічних наук, професор (Бердянськ); *заступники головного редактора* – **Філоненко С. О.**, доктор філологічних наук, професор (Бердянськ); **Харлан О.Д.**, доктор філологічних наук, професор (Бердянськ).

*Друкується за рішенням вченої ради
факультету філології та соціальних комунікацій
Бердянського державного педагогічного університету
(протокол № 1 від 1.09.2018 р.)*

Т 76 Троянди й виноград: феномени естетичного і прагматичного в літературі та культурі: [зб. наук. матеріалів конференції (Бердянськ, 27–28 вересня 2018 р.) / [гол. ред. О. П. Новик]. – Бердянськ : БДПУ, 2018. – 180 с.

У збірнику вміщено матеріали конференції, присвячені дослідженню феноменів естетичного і прагматичного в літературі та культурі крізь призму методологій філології, культурології та журналістики і методики. Висвітлено окремі проблеми категорій краси, прагматики, тілесного й духовного в контексті оновлених знань.

УДК 378.016:[8+130.2+072](082)

За зміст статей і правильність цитування відповідальність несуть автори

© Бердянський державний педагогічний університет, 2018

ТОСКА ПО ИДЕАЛУ В СТИХОТВОРЕНИИ Ш.БОДЛЕРА «С ЕВРЕЙКОЙ БЕШЕНОЙ ПРОСТЕРТЫЙ НА ПОСТЕЛИ...» («UNE NUIT QUE J'ÉTAIS PRÈS D'UNE AFFREUSE JUIVE...»)

Тоска по идеалу как неотъемлемая часть символистской доминанты «ennui» в лирике Ш. Бодлера нашла свое воплощение, в первую очередь, в цикле «Сплин и идеал» сборника стихотворений «Цветы зла». Цель доклада – проследить реализацию мотива тоски на материале сонета Ш. Бодлера «С еврейкой бешеной простерты на постели...» («Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive...») и его русскоязычного перевода. Произведение еще не становилось предметом литературоведческого анализа.

Исследователи неоднократно отмечали двойственность мировосприятия Ш. Бодлера, которого привлекала как тема несовершенства человека и окружающей его жизни, так и поиск возможности вырваться из этой жизни, достичь недостижимого, прекрасного [2]. Эта мысль рельефно проявлена в зачине сонета Ш. Бодлера «С еврейкой бешеной простерты на постели...»: «Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive, / Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu, / Je me pris à songer près de ce corps vendu / A la triste beauté dont mon désir se grive» [4]. В переводе В. Левика звучит так: «С еврейкой бешеной простерты на постели, / Как подле трупа труп, я в душной темноте / Проснулся, и к твоей печальной красоте / От этой – купленной – желанья полетели» [1, 56]. Здесь видим как отголосок романтического двоемирия, так и кризисное ощущение разрыва между желаемым и действительным, реальностью и грезой. В этих строках также выражено «декадентское» восприятие образа женщины – «осознание сатанической извращенной природы любви, презрительное отношение к женщине и в то же время невозможность обойтись без нее» [5, 136]. Здесь же сосуществуют «два мира: реальный и сверхреальный – тот, в котором явления окружающего мира преображены сознанием поэта» [3]. Первому миру (реальному) и посвящен первый катрен сонета.

Интересно, что в переводе через использование эпитета «бешеная» усилен мотив плотского, животного начала. В оригинале употребляется слово «affreuse» – «ужасная». Более того, земная женщина не является личностью, она «corps vendu» («проданное тело»). Усилено и ощущение безысходности, появляется оборот «душная темнота» – некое внутреннее ощущение, от которого лирический герой пытается сбежать в сверхреальный мир поэтического воображения: «Je me représentai sa majesté native, / Son regard de vigueur et de grâces armé, / Ses cheveux qui lui font un casque parfumé, / Et dont le souvenir pour l'amour me ravive» [4]. Во втором катрене происходит символический переход от обыденного к ирреальному – «majesté» – величие прекрасной дамы не принадлежит миру реальному, а является трансформацией и переосмыслением образа, живущего в мире грёз лирического героя: «Я стал воображать – без умысла, без цели, – / Как взор твой строг и чист, как величава ты, / Как пахнут волосы, и терпкие мечты, / Казалось, оживить любовь мою хотели» [1, 56]. И этот образ постепенно замещает собой реальность, становясь элементом бодлеровского эскапизма.

В следующем терцете замещение реального образа иллюзорным достигает эмоционального апогея: «Car j'eusse avec ferveur baisé ton noble corps, / Et depuis tes pieds frais jusqu'à tes noires tresses / Déroulé le trésor des profondes caresses» [4], а вместо образа «corps vendu» из первого катрена появляется образ «noble corps». Снова «тело», но теперь «благородное», вызывает у лирического героя то чувство восхищения, страсти и душевного подъема, которое не способно вызвать сравниваемое с мертвецом («cadavre») тело реальной женщины – единственное, физически доступное в реальном мире. Ш. Бодлер, по выражению Г. Косикова, «бравировует тем, что якобы не ждет от противоположного пола ничего, кроме

чувственных удовольствий, втайне всю жизнь мечтал об идеальной любви», и это предположение в русскоязычном литературоведении легло в основу биографической трактовки этих строк [1, 333]. Тем не менее, идеализированный образ женщины-мечты, женщины-грёзы соотносится с общей тенденцией символизма, которая впоследствии трансформировалась в мотив вечной женственности. В переводе параллель на уровне поэтической лексики пропадает, но на первый план выходит отсутствующий на лексическом уровне в оригинале мотив «обожествления» идеала: «Я всю, от черных кос до благородных ног, / Тебя любить бы мог, обожествлять бы мог, / Все тело дивное обвить сетями ласки» [1, 56].

Достижение идеала невозможно по определению: «Si, quelque soir, d'un pleur obtenu sans effort / Tu pouvais seulement, ô reine des cruelles, / Obscurcir la splendeur de tes froides prunelles» [4]. Полет поэтического воображения обрывается взглядом «froides prunelles» – «холодных зрачков». В поэтическом переводе В. Левика через оппозицию живое / неживое акцентированы черты «неживого»: «Когда бы ввечеру, в какой-то грустный час, / Невольная слеза нарушила хоть раз / Безжалостный покой великолепной маски» [1, 56]. Не только взгляд – весь облик идеальной женщины представляет собой «великолепную маску», за которую не в силах проникнуть даже воображение поэта. Идеал остается недостижимым, к нему можно лишь стремиться. Попытка побега от «душной темноты» и тоски «мертвого» существования завершается безрезультатно.

Таким образом, мотив тоски по идеалу в сонете Ш. Бодлера «С еврейкой бешеной простертый на постели...» («Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive...») является одним из вариантов доминанты «ennui de vivre» и связан с мотивным комплексом эскапизма. В тексте сонета исследуемый мотив реализуется через амбивалентный образ женщины, раскрывающийся в аспекте символистского двоемирия.

Литература

1. Бодлер Ш. Цветы зла / под ред. Н. И. Балашова / Ш. Бодлер. – М.: Наука, 1970. – 480 с.
2. Косиков Г. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни»: [Электронный ресурс] / Г.Косиков // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер [составление, вступит. статья и коммент. Г. К. Косикова]. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 5 – 40. – Режим доступа: <http://tzone.kulichki.com/anomal/hud/bodler/bodler2.html>
3. Фонова Е.Г. Восприятие Ш.Бодлера во Франции, Бельгии и России в эпоху символизма: дис. на соискание науч. степени кандидата филологических наук: спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)»: [Электронный ресурс] / Е.Г.Фонова. – Москва, 2009. – 278 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vospriyatie-sh-bodlera-vo-frantsii-belgii-i-rossii-v-epokhu-simvolizma>
4. Baudelaire Ch. Les Fleurs du Mal [Электронный ресурс] / Ch. Baudelaire. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.gutenberg.org/files/6099/6099-h/6099-h.htm>.
5. Pierrot J. The decadent imagination, 1880-1900 / J. Pierrot. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1981. – 309 p.